Пушкин наше …

Пушкин - наше очень и очень многое! Гениальный поэт и прозаик, одаренный свыше феноменальным чувством родного языка, его неподражаемой полифонии и несравненной смысловой выразительности, он как животворящий и облагораживающий субстант вошел в дух и плоть всей нашей культуры и безраздельно господствует в ней, возвышая помыслы, направляя стремления, утверждая приоритет таланта как дара Божьего. Без его естественного и как бы логически обоснованного присутствия бледнее и беднее выглядит не только русская литература, но и музыка, и театр, и изобразительное искусство. Он не имеет себе равных и вот уже не одним, а несколькими поколениями воспринимается как явление не только редкое, исключительное, но и неповторимое.

И, все-таки. Когда слышу глубокомысленное и патетическое: «Пушкин наше все», то внутренне саркастически улыбаюсь и беззвучно, даже не шевеля губами, произношу: «Мало же вам надо».

Потому, что Пушкин был человек. Он не мог жить вечно, не мог знать все, не мог объять необъятное. А русский язык относится как раз к такой категории ценностей. И «Слово о полку Игореве», о чем и пойдет речь дальше - тоже.

Пушкин неоднократно обращался к тексту «Слова о полку Игореве», делая подчеркивания, пометки на полях, отдельные записи. Порой соглашаясь, но чаще оппонируя переводчикам и толкователям этого великого произведения. И только в последний год своей трагически оборвавшейся жизни он приступил к написанию статьи, в которой, суммировав все свои наблюдения и соображения, намеревался представить читателю всестороннее научное исследование поэмы. Сей труд, к сожалению, был только начат и не доведен даже до середины. Вмешалась судьба, положив предел и творчеству и всей жизнедеятельности поэта. Не много, к сожалению очень не много успел сделать гениальный А. С. Пушкин относительно «Слова о полку Игореве». Но поскольку это немногое неоднократно публиковалось, находилось в поле внимания людей просвещенных и неравнодушных к отечественной культуре, поскольку на него ссылались, обнаруживая при этом незнакомство с самим текстом исследования, то есть вообще не читали или читали по диагонали , как сейчас принято, есть смысл обратиться к нему. К этому немногому. С вниманием и уважением, не допуская вместе с тем никакой предвзятости и зашоренности. И, конечно же , благословясь, поскольку речь пойдет не о чем-то случайном и мимолетном, а о высочайшем достижении древнерусской словесности, о бесценном сокровище нашей культуры.

Прежде всего, Александр Сергеевич признал подлинность «Слова о полку Игореве», сказав, что «под дух времени нельзя подделаться». Но дальше странная вещь! Я объясняю ее ничем иным, как влиянием авторитетных переводчиков и прежде всего всемерно уважаемого В. А . Жуковского, написавшего к тому времени свой поэтический перевод «Слова», в котором он принял глагол «бяшетъ» (Не леполи ны бяшетъ…) за глагол будущего времени. Пушкин же, как завороженный, но не лишенный строптивости «ученик» не соглашается с «учителем» называя «бяшетъ» глаголом прошедшего времени. Вот это-то как раз и странно, потому что «бяшетъ» - это вневременной глагол, который означает либо: всегда, либо указывает на отсутствие временного ориентира и тогда вообще не нуждается в переводе. Его использовали в текстах, когда повествовалось о Боге, о жизни, о разуме или еще о чем-то, что писавший не считал нужным ограничивать временными рамками. Этому много примеров в древнерусских рукописных текстах, в том числе и в «Слове о полку Игореве», где глагол этот встречается несколько раз. Ну, и кроме того, в тексте «Слова» есть все формы глагола «быти», а именно: «был», «были», « было», «будет». Какой смысл автору применять глагол «бяшетъ», если он всего лишь хочет сказать: было или будет? А смысл употребления в данном случае вневременного глагола в том, что автор намерен заявить о

чем-то не имеющем временных ограничений, о чем-то постоянном, непреходящем. Поэтому он выбирает – «бяшетъ»!

А дальше «старыми словесы». Все переводчики и толкователи с тех давних времен и по сей день, понимают это словосочетание как « старыми словами». Странно, что не обращается внимания на то, что в древнерусском языке были слова «глагол» и «речь», которые и обозначали сам процесс говорения, произнесения слов («глаголит», «глаголят» и пр. «рече», «речат», «ркут», «аркут» и пр.) «Словесы» же – это множественное число существительного «слово», которое в древнерусском языке имело значения: повествование, размышление, осмысление, толкование, разумение и тому подобное – даже поучение и проповедь. То есть само словесное сочинение. Многие древнерусские литературные произведения называются словом. И «Слово о полку Игореве» в их числе. Как не обратить на это внимание? Следовательно, «словесы» в данном случае не что иное, как подлежащее первого предложения данного произведения, представленное существительным множественного числа в именительном падеже. А иначе ведь, если согласиться со «старыми словами», то получается, что первое предложение гениальной поэмы вообще лишено подлежащего и не понятно, что собственно хочет начать автор. А начать он хочет «словесы», то есть толкования, повествования, разумения, (на современный лад можно даже сказать: освещение). Сразу возникает вопрос – чего? Разумеется, «трудных повестей о полку Игореве». А почему их надо толковать и осмысливать, предлагая свое истинное, как полагает автор, видение и понимание произошедших событий? Да потому, что к моменту написания поэмы, о самом походе Игоря на половцев было не мало сказано и написано. Причем, разного, противоречивого и в большинстве случаев недостоверного. Можно не сомневаться в том, что именно это заставило автора взяться за перо и написать свое слово, заявив, прежде всего: «не лучше ли».

В таком случае полагаю, что разбивка должна быть: «стары ми», то есть старому мне. Прилагательное, даже можно сказать эпитет, старый во все времена было синонимом понятий: уважаемый, бывалый, умудренный опытом, изведавший и ведающий. Таким образом, сразу заявлено о приоритете знания и истинного понимания ситуации. Ну а «Не леполи» - стоит ли всерьез ломать над ним голову. Древнее, но не списанное в анахронизмы живое слово. Ведь существуют же до сих пор употребляемые: нелепо, нелепица, великолепно. Это слово можно даже оставить без перевода, изменив разве что разбивку: «Не лепо ли». Таким образом, получается самый простой (рабочий) перевод: Не краше ли нам, братья, начать мне старому толкования трудных повестей о…». Как тут не отметить, что вневременной глагол «бяшетъ» применен здесь кстати и по делу. Поживших, опытных, умудренных нужно слушать всегда. То есть мысль автора выражена ясно и конкретно.

А дальше, к удивлению, возникло несогласие с древним авторским текстом на основании того, что частица «ли» в русском языке в большинстве случаев придает вопросительный смысл предложению. И, следовательно, задаются вопросом переводчики: не звучит ли вопросительная интонация в первом предложение? Можно бы было оставить без внимания эти споры и разногласия, если бы в них не принял участия и Александр Сергеевич. В начатой им статье он подробно и внимательно рассматривает различные случаи применения частицы «ли» в русской словесности, приходя к выводу, что эта частица не всегда придает сказанному вопросительный смысл. Вот это-то и вызывает полное недоумение. Потому как в первом печатном издании, осуществленном графом А. И. Мусиным–Пушкиным, в конце этого предложения стоит восклицательный знак. Причем, это и в историческом авторском тексте, представленном в виде точного, буква в букву переложения на употребляемое издателями наречие, и в помещенном рядом их же переводе. Трудно понять, в чем смысл этих разногласий и что за нужда и смысл оспаривать позицию автора. Однако, два века прошло, но до сих пор появляются печатные издания, в которых в конце первого предложения «Слова» стоит вопросительный

знак. А ведь именно восклицательный знак подтверждает смысловую значимость первой фразы, подчеркивая её программное звучание.

И уж совсем не понятно, как такое могло случиться с Александром Сергеевичем? Непозволительную вольность допускает великий поэт в отношении авторского текста. Авторское «начати же ся» он исправляет на «начатися же», приняв «ся» за возвратную частицу. Конечно, раньше такую перестановку делали и другие переводчики, в том числе и В. А. Жуковский, что в какой-то степени может служить объяснением и оправданием, случившегося с А. С. Пушкиным. Но лишь в какой-то степени и отчасти, потому что рядом с ним жили его просвещенные современники и, прежде всего, выдающийся исследователь и собиратель великорусского живого языка Владимир Иванович Даль, к которому великий поэт мог запросто как к другу, соратнику и единомышленнику обратиться за советом и консультацией. Возможно, так бы оно и случилось, если бы работа над статьей приблизилась к стадии завершения и подготовки к печати, но этому не суждено было произойти – статья осталась только начатой. И всё же, что это за частица такая - «ся» и так ли уж недопустима в данном случае её перестановка? Многие и до Пушкина и после него считали её возвратной частицей. Даже наши современные лингвисты порой категорически и безапелляционно заявляют: «ся» - возвратная частица и на этом основании, «ничтоже сумляшеся», тоже делают ту же, вышеуказанную перестановку в «Слове о полку Игореве».

А что же Владимир Иванович Даль? В своем «Толковом словаре живого великорусского языка» частице «ся» он уделяет пристальное внимание, приводит более десяти примеров употребления её в русской речи с разными глаголами и в разных смысловых значениях. А заканчивает статью об этой частице он такими словами: «Живая подвижность русских глаголов не поддается доселе школярным путам; значенье частицы ся можно изучить не иначе, как собрав все глаголы на ся, и все примеры к ним из старины и из живой речи, отрешась притом вовсе от грамматики». Первые издатели не делая перестановки перевели частицу «ся» как «сию», при этом им пришлось совсем убрать слово «той». Получилось: «начать же сию песнь по былинамъ…». - возможно , но не убедительно. Потому, что у автора-то ведь: «начати же ся той песни по былинамь…».

В России есть регионы, которые с незапамятных времен обживались и осваивались переселенцами. Добровольно или по принуждению из разных городов, краев и земель, со всех концов и из всех уголков земли русской люди шли за Волгу, за Урал и далее, унося с собой на новые места, кто что мог, но нравы, обычаи и родную речь прежде всего, непременно и обязательно. Я вырос среди этих людей. С дошкольного детства, с изначального восприятия и освоения культуры поведения, общения и речи в меня вселилась и стала родной интонационно-смысловая мелодика естественным путем возникшей смеси, можно сказать конгломерата, множества диалектов, говоров и речений русского языка. Это, конечно же, был какой-то вычурный, несуразный, неправильный русский язык, которым пользовались окружавшие меня и взрослые, и дети. Тогда, помню, я и сам говорил не правильно. Потом школа все исправила. Но что-то все-таки осталось, закрепилось, укоренилось и в памяти, и в сознании. Поэтому некоторые слова и словосочетания в «Слове о полку Игореве», считающиеся трудными и непонятными, мне знакомы – я их без труда узнаю. Вот и «ся» тоже. Хорошо помню, что эта частица постоянно употреблялась в значение наречия «сейчас», в выражениях: «подай-ка ся» или «скажи-ка ся» что-либо. Иногда «ка» менялось на «же» - «скажи же ся», «отдай же ся». И никакого намека на возвратность при этом не возникало. Так что нужды в перестановке «ся» в первом предложении «Слова о полку Игореве» я никогда не чувствовал и не чувствую. Автор четко и ясно говорит сначала: «Не лучше ли, братья, начать мне старому толкования трудных повестей…», а затем: «начать же сейчас ту песню по правде и разумению сегодняшнего времени, а не на манер замыслов и вымыслов Бояна». Перевод, разумеется, вольный и только смысловой, но он показывает отсутствие в изложении главной мысли автора «явного противоречия», на которое постоянно

обращали внимание исследователи, в том числе и Пушкин. А именно, как же это так: «старыми словами», но «по былинам сего времени»? Я думаю, с правильным пониманием значения частицы «ся» в данном случае этот вопрос полностью упраздняется.

А далее еще одна, с виду незначительная, но тем не менее непреодолимая преграда. Это второе предложение зачина поэмы. «Боянъ бо вещий, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы». – так в первом 1800 года издании графа А. И. Мусина-Пушкина. Никто не может понять, что значит – растекается мыслью по древу. А ведь все просто: дерево по природе своей трехмерно, распространяет свои и ветви, и корни во всех направлениях. «Растекашется» - расходится, распространяется, но в данном случае, скорее всего, разбегается, потому что течь, тикать – это все-таки бежать или быстро идти. Мысль может быть сконцентрирована, целенаправленна, собрана, упорядочена и тому подобное. Но Боян предпочитал дать своим мыслям волю, направить их во все стороны. Тут образ дерева, причем, как потом выясняется из дальнейшего повествования, мысленного, воображаемого дерева как нельзя лучше подходит. И совершенно не понятно, почему А. С. Пушкин считает, что « тут пропущено слово славием»? Если так, то куда его можно вставить и сделает ли оно образную структуру предложения более ясной и понятной. А дальше, продолжая рассматривать это предложение, приходится признать, что переводчики и толкователи « Слова» ну просто берут грех на душу переводя авторское «шизымъ орломъ» как сизым орлом. Во-первых, сизые бывают голби, селезни и пр., но не орлы. Во-вторых, слово шизо (schizö) греческое, означающее – разбивать, дробить, раскалывать и пр. Так может: битый, разбитной, стрелянный, матерый, опытный и что-то подобное, но никак не сизый – таких орлов на Руси никогда не водилось. Скорее всего, надо сохранить в неприкосновенности авторское «шизым», но вопрос оставить открытым в надежде на будущее. Кстати, в одной из древненовгородских грамот упоминается «шизый мерин», что тоже нельзя понимать как «сизый». Сизый – это ведь значит с перламутровым отливом, с переливающимся блеском, что лошадиному окрасу не свойственно. А вот битый, испытанный и испытавший, аналогично выражениям: «стреляный воробей», «тертый калач» или тот же «битый», за которого двух не битых дают – весьма возможно.

Дальше идет полоса неудач и не только для Александра Сергеевича. Ни один из сонмища знатоков, исследователей, переводчиков и толкователей «Слова о полку Игореве» за два с лишним века так и не понял, о чем говорит автор в начале первой главы поэмы. Цитата из издания 1800 года: «Почнемъ же, братие, повесть сию отъ стараго Владимера до нынешняго Игоря; иже истягну умь крепостию своею, и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъки на землю Половецькую за землю Руськую». Не составляет труда почувствовать в слове «истягну» насилие, принуждение, подавление. Родственные ему слова – напрячь, вытянуть, натянуть и совсем близко по смыслу и звучанию - истязать. Дальше идет слово «умь», значения которого никто не смог понять. Некоторые его просто обошли, исключив из текста, но большинство, как и А. С. Пушкин, переделали в «умъ». А это два разных слова и два разных понятия. В «Слове» несколько раз встречаются как «умъ», так и «умь». Слово ум в объяснении не нуждается, а вот умь – непременно и обязательно, потому как оно указывает не на присутствие или отсутствие ума, а на саму способность мыслить, пользоваться разумом как Божьим даром. Ум – это потенциал, а умь – практическое его применение. Это слово исчезло из речевого оборота, но не совсем. По-прежнему употребляются такие слова как заумь, уметь, умелый. Кстати будет сравнить слова умный и умелый, чтобы почувствовать разницу. Здравствует по сей день и прямой смысловой антипод слова «умь» – это «дурь» с производными от него придурь, одурь, дурить. Из арсенала детских впечатлений выбираю нужное и восстанавливаю в памяти не редко звучавшие поговорки. К примеру: «Дурь-то умь перешибла» (варианты: переехала, перепахала). Иногда вместо «то» вставляли «от» и тогда звучало еще более

выразительно и мелодично: «Дурь-от умь переехала». Так что в процитированном выше предложение говорится о том, что Игорь подавил крепостью своею способность мыслить, понадеявшись на силу, пренебрег разумом. К тому же поострил сердце свое мужеством, то есть возбудил, раздражил, ожесточил, а вовсе не смирил, не успокоил его – так надо понимать. Короче, не трудно представить в каком состоянии он находился, когда взглянул на светлое солнце, а затем на своих воинов, которых естественно увидел во тьме, поскольку зрение от взгляда на солнце у него помутнело. У автора это так: «Тогда Игорь възре на светлое солнце и виде отъ него тьмою вся своя воя прикрыты». Никакого намека на солнечное затмение в этом эпизоде, конечно же, нет, но предостережение, предупреждение, предвещание беды просматривается явно, что, безусловно, можно назвать знамением, поскольку все исходит от солнца – главного божества народной веры русичей. Эту тему я затронул, потому что А.С. Пушкин как бы вскользь в своей статье замечает: «Суеверие, полагавшее затмение солнечное бедственным знаменованием, было некогда общим».

И вот, чрезмерно возбужденный князь, не обращая внимания на знамение и предупреждение от самого солнца, обращается к своим воинам, на которых только что видел пророческую тень, знак беды, знак трагической погибели. И что же говорит? А говорит он вот что: «Братья и дружина , лучше бы убиту быть, нежели пленену быть». Если во имя этого затевается поход, то воистину - «истягну умь». В какой-то степени, конечно же, облагораживается смысл задуманного князем предприятия указанием: «за землю Руськую», но лишь в какой-то степени, потому что вести воинов не смерть не подумавши и не вняв предупреждению свыше – не достойно полководца. А дальше фраза, которую опять же никто не понял и перевести не смог. «Спала Князю умь похоти, и жалость ему знамение заступи, искусити Дону великаго». А. С. Пушкин пришел к выводу, что «слова запутаны», но распутывать их не стал, приведя только возможные значения отдельных слов и варианты переводов, предложенные другими исследователями. «Жалость» он предлагает понимать как: горесть, печаль и нечто подобное. И приводит перевод первых издателей, в котором они «умь» понимают как мысль, что безусловно может быть поставлено им в заслугу. Вообще же трудности перевода этой фразы возникли из-за того, что два слова просто не были узнаны - «спала» и «жалость». Пал, палить, опалить, запалить, пламя, полымя – древние однокоренные слова. Да, по-моему, и поговорка «Из огня да в полымя» - до сих пор жива. Палами называли весенние поджёги прошлогодней травы, опалами – опаленные взгорки, поляны и другие обгоревшие участки земли. Одним словом: «Спалила князю рассудок (способность мыслить) похоть…». Похоть – это ведь не просто хотение или желание, а страстное, неуемное, порою безрассудное желание, поэтому это слово здесь как нельзя кстати. Ну а «жалость» здесь не существительное, а наречие и по смыслу соответствует словам: жаль, жалко, к сожалению, зря, напрасно. Когда-то слышал от одного мужика: «Жалость я его не встретил». Или: «Жалость дней моих прошедших, мне их боле не видать», - со вздохом произносил слова какой-то не то песни, не то поговорки мой дед балагур. Таким образом, никакой запутанности нет. Все довольно просто «распутывается»: «Спалила князю рассудок похоть и жаль, то есть напрасно, впустую знамение ему препятствовало искусить Дону великого». В наречие «жалость» по сравнению с «жаль» больше чувственной полифонии, смысловой глубины и красоты звучания – поэтому оно и существовало. Жаль, что больше не существует и оказалось забыто до неузнаваемости.

Далее в авторском тексте Игорь продолжает свое обращение к воинам: «Хощу бо, рече, копие приломити конець поля Половецкаго съ вамиРусици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону». Казалось бы, в целом предложение вполне понятно и в растолковывании не нуждается. Но все-таки оставить без внимания две его почти фольклорно звучащие части: «копие приломити конець поля Половецкаго» и «любо испити шеломомь Дону» нельзя, потому что и А. С. Пушкин ими всерьез заинтересовался. Вот что он пишет в своей статье: « …Г. Сенковский с удивлением видит

тут выражение рыцарское – нет; это значит просто неудачу: или сломится копье мое, или напьюсь из Дону. Тот же смысл, как и в пословице: либо пан, либо пропал». Согласиться можно, но и разобраться тоже нужно, сказав прежде, что перед нами гениальное произведение, гениального автора, который не так-то прост и в своих мыслях не вдруг доступен и понятен.

Вряд ли о рыцарском - скорее всего, о воинском ритуале повествует в данном случае автор «Слова о полку Игореве». В летописях описаны случаи, когда князья, прекращая междоусобицу, в знак примирения ломали оружие. Чаще всего копье - его проще и эффектнее можно было сломать. Вещий Олег прибил свой щит на врата Царьграда, о чем можно найти и у Пушкина – это ведь действие того же ряда и смысла, означающее, что война закончена, противостояния нет. Да ведь и в наше время ритуальные действия типа: саблю в ножны или штык в землю – имеют то же значение. Так вот, Игорь говорит о том, что хочет пройти до конца (завоевать) поле Половецкое и сломать копье за ненадобностью, в знак победы и окончания войны. Да, «наполеоновские планы» - можно сказать. И опять вспоминается «истягну умь», потому как где он этот конец поля Половецкого, кто его видел и знает? Впрочем, по мнению Игоря это, видимо, река Дон. Дойти до Дона сломать копье и «испити шеломомь…», - предлагает он. Опять же красноречивый и о многом говорящий образ. Во время боя шлемы не снимали и из них не пили, поскольку это основная защита головы воина, а не по назначению их могли использовать только когда поход завершен и брань закончилась победой. Относительно «конец поля» можно сказать только, что это именно конец, а не начало, как предлагают понимать некоторые современные исследователи. В «Слове» есть еще такая характеристика воинов курян: «подъ трубами повити, подъ шеломы възлелеяны, конець копия въскръмлени». То есть у самого конца копья, у самого его острия. Это у палки два конца, а у копья один, завершающийся наконечником. Это к тому, что Игорь хочет преломить копье не о конец, а в конце, у конца поля. И младенцев вскармливали древние русичи не с острия копья, а рядом, около острия, около наконечника. А вот слово «любо» придется оставить нераспознанным, потому что в древнерусском языке у него было двоякое написание - через букву «ю» и через «юс большой». В одном случае это было наречие «любо» (любезно, нравно, хорошо), а в другом «либо», то есть разделительный союз «или». Как было написано это слово в историческом рукописном тексте X11 века, сейчас узнать не представляется возможным. Но по смыслу, скорее всего - любо. То есть, и «копие приломити» , и «испити шеломомь Дону» - хочется.

Странное впечатление возникает, как будто автор в первой главе поэмы занимается ни чем иным, как «разбором полетов», устанавливает временную последовательность событий, указывает на причинно-следственные связи, обращает внимание на предвещающие беду подробности, безусловно, только одному ему известные. А ведь так оно и есть. Из анализа произошедшего тогда (обратим внимание на это слово - тогда), он предлагает читателю сделать вывод о заведомой обреченности на неудачу задуманного князем. Еще до начала описания главных событий он как бы указывает читателю – вот в чем причина и вот где начало трагедии. Нельзя столь неподготовлено начинать поход, недопустимо так безответственно и самонадеянно вести себя полководцу. Во всем, что происходит с Игорем в первой главе поэмы, умудренный и здравомыслящий автор видит и предсказание и предопределение, но, к сожалению, только задним числом, потому как само произведение было написано много позже произошедшего события. Не простой, не обычный это автор, а все знающий, понимающий и близко принимающий к сердцу когда-то случившееся, о чем он сейчас повествует. К сожалению А.С. Пушкин в своем исследование не дошел до определения авторства. В конце своей незавершенной статьи он делает еще несколько замечаний, с которыми можно согласиться, не комментируя. И все, на этом приходится остановиться – далее начатый А. С. Пушкиным труд, посвященный «Слову о полку Игореве» продолжения не имеет.

Но вот ведь что достойно удивления и о чем нельзя не сказать. А. С. Пушкин оказался провидцем, невольно предсказав судьбу великой поэмы, определив ее будущее на многие, многие годы вперед. Цитирую из начатой им вышеуказанной статьи: «Первые издатели приложили к ней (имеется в виду «Песнь о полку Игореве» - пояснение В.П.Б.) перевод, вообще удовлетворительный, хотя некоторые места остались темны или вовсе не вразумительны. Многие после того силились их объяснить. Но хотя в изысканиях такого рода последние бывают первыми (ибо ошибки и открытия предшественников открывают и очищают дорогу исследователям), первый перевод, в котором участвовали люди истинно ученые, все еще остается лучшим. Прочие толкователи наперерыв затмевали неясные выражения своевольными поправками и догадками, ни на чем не основанными».

Высказывание это было сделано гениальным русским поэтом в 1836 году. И с тех пор ничего не изменилось. Видимо, не настала еще пора прозрения, не пришло время «последних». То, что происходило тогда с великим памятником древнерусской литературы, происходит и теперь. Появившиеся в послепушкинскую пору исследователи и толкователи «Слова» уже не просто наперебой предлагали свои версии, но и подгоняли под них исторический авторский текст, прикрывая свое неумение читать и понимать прочитанное вымыслами о мифических переписчиках, испорченных местах, перепутанных и утраченных страницах. Особенно «досталось» от них «Слову о полку Игореве» в веке двадцатом. Когда стали делать перестановки, перестраивать композицию, заменять непонятные авторские слова своими понятными и т. д. и т . п. И все это по самой простой причине – автор-то ведь не известен. Хотя он давно известен и явственно очевиден, если внимательно, с уважением и доверием отнестись к написанному им тексту.

Что же касается перевода, сделанного А. И. Мусиным-Пушкиным, А. Ф. Малиновским и Н.Н. Бантыш-Каменским и вошедшим в первое печатное издание «Слова о полку Игореве» 1800 года, то он действительно был и остается лучшим. Хотя бы потому, что они не увидели смысла в переводе глагола «бяшетъ», вполне удовлетворившись глаголом «начати». Оставили в неприкосновенности авторский восклицательный знак первого предложения. Не подвергли перестановке частицу «ся». Слово «умь» не посчитали ошибочно написанным и не исправили на «умъ». Авторское «подобию» не переделали в «по дубию». Да и «мыслию по древу» перевели как «мыслию по деревьямъ» - что вполне допустимо и убедительно. А если дальше смотреть по тексту, то исключили из своего перевода слово «давечя», не заменяя его словом «далече», как это делают многие современные переводчики. Правильно прочли и поняли «рози» - рога, не заменяя на «розно». И не сделали ни одной перестановки, ни в авторском историческом тексте, ни в своем переводе, оставив в неприкосновенности предложенный сочинителем композиционный строй поэмы. И многое, многое еще, что можно отметить и поставить им в заслугу, если заняться серьезным и полным исследованием их перевода. Так что честь и хвала им, сохранившим для нас бесценное сокровище древнерусской литературы. И, конечно же, прав был А. С. Пушкин, назвав их перевод этого великого произведения лучшим. Гениальное ли его провидение ему на это указало, или какое-то необъяснимое шестое чувство, но, по сути, оказалось, что так оно и есть, и даже по прошествии не малого времени.

Буйначев В.П. Москва, апрель, 2015 год.